

Петрушко В.И. Автокефалистские расколы на Украине в постсоветский период 1989-1997

Приводится по изданию: Петрушко В.И. Автокефалистские расколы на Украине в постсоветский период 1989-1997. М.: Св.-Тихоновский богословский ин-т, 1998.

Автор Петрушко Владислав Игоревич

Петрушко В.И. Автокефалистские расколы на Украине в постсоветский период 1989-1997	1
Вступление	1
I. Краткий обзор начального этапа в истории автокефалистского раскола на Украине и предпосылки его возрождения на рубеже 1980-1990-х годов	3
II. Начало религиозных конфликтов в галичине на рубеже 1980-90-х годов и возобновление автокефалистского раскола на Украине.....	9
IV. Украинская Православная Церковь обретает «независимость».....	18
V. Мстислав Скрипник «патриарх Киевский и всея Руси-Украины»	21
VI. Государственная независимость Украины и вопрос о канонической автокефалии Украинской Церкви.....	23
VII. Раскольничья деятельность Филарета Денисенко	40
VIII. Лжепатриархи Димитрий Ярема и Володимир Романюк и «раскол внутри раскола»	58
IX. Идеология раскола	63
X. Кончина лже-патриарха Володимира Романюка и «второе софийское побоище».....	70
XI. «Патриарх Киевский» Филарет.....	80
Заключение.....	89
Источники и литература	91
Список сокращений.....	96

Вступление

Украинская Православная Церковь (УПЦ) является составной частью Московского Патриархата на правах практически полностью независимой в управлении митрополии. В настоящее время ее деятельность значительно осложнена наличием на ее канонической территории двух раскольничьих сообществ, именующих себя «православными», но, безусловно, не являющихся таковыми по своей антицерковной сущности. Это так называемые «Украинская Православная Церковь Киевский Патриархат» (УПЦ КП) и «Украинская Автокефальная Православная Церковь» (УАПЦ). Раскол сегодня является одной из главнейших причин дестабилизации церковной жизни на Украине. Раскольничьи сообщества, не признанные ни одной из Поместных Православных Церквей, тем не менее пользуются весьма значительным влиянием и поддержкой со стороны украинских политиков националистической ориентации. Это позволяет автокефалистам проводить крайне агрессивную политику в отношении канонического Православия и препятствовать нормальному протеканию деятельности Украинской Православной Церкви, пребывающей в каноническом единстве с Московским Патриархатом.

Необходимость глубокого изучения проблемы автокефалистского раскола обусловлена тем, что раскольники вырабатывают основанную на откровенно антихристианских по духу националистических принципах идеологию, которой подменяют подлинное Евангельское учение. Пользуясь тем, что уровень церковного сознания у большинства людей после долгих лет советского режима крайне невысок, автокефалисты, мимикрируя под Православие, широко распространяют сеть своих приходов на территории Украины и даже в России. Раскольники лживо пропагандируют себя в качестве «национальной православной церкви» Украины, спекулируя на ложно понимаемых патриотических чувствах. Кроме того, сообщество автокефалистов стало в последнее время настоящим «раскольничьим интернационалом», который объединил в своих рядах раскольников, расстриг и самозванцев самых разных стран. Детальное

изучение проблемы автокефалистского раскола может значительно облегчить противодействие антиправославным акциям, перманентно предпринимаемым украинскими раскольниками.

Потребность в исследовании раскольничьего движения на Украине связана также и с проблемой поиска путей преодоления кризисной для Украинского Православия ситуации. В частности, в связи с необходимостью нормализации религиозной жизни на Украине неоднократно высказывалась мысль о диалоге с раскольниками с целью преодоления церковной смуты и воссоединения всех православных в одну Церковь. И хотя перспективы подобного объединения все еще остаются достаточно туманными, все же возникает вопрос: каким образом и на каких принципах может быть осуществлен данный процесс? В связи с этим существует потребность в более глубоком исследовании, как исторических истоков, так и современного состояния автокефалистского раскола.

Нужно отметить, что начальные стадии появления раскольничьего движения на Украине в годы, последовавшие за Октябрьской революцией, а также в период Великой Отечественной войны, в целом изучены достаточно глубоко. Достаточно отметить такие серьезные труды по данной тематике, как работы С.Раневского, протоиерея Кирилла Фотиева, монографию немецкого исследователя Хеера и ряд других. Однако, современное состояние автокефалистского раскола до сих пор практически не нашло своего отражения в научной литературе. Специальных исследований, посвященных данной проблеме, предпринято не было. В данном контексте можно отметить лишь главы, посвященные церковной жизни на Украине в книгах протоиерея Владислава Цыпина («История Русской Православной Церкви. 1917-1990» и IX том «Истории Русской Церкви»), хотя тема раскола для данных трудов не являлась самостоятельной целью. Кроме того, глава, повествующая о возрождении автокефалистского раскола и униатства на Западе Украины, помещена в книге историка из Канады Д.В.Поспеловского «Русская Православная Церковь в XX веке». В ней достаточно бегло рассматривается начальный этап развития раскола. Краткий обзор истории раскольничьих движений на Украине в XX столетии дан и в небольшой брошюре «Украинская автокефальная церковь. Исторический очерк церковного раскола на Украине», изданной Почаевской Лаврой. Основу ее составляет статья С.Раневского, написанная в 1947 году и дополненная очень кратким обзором деятельности раскольничьих сообществ в последние годы, который, к сожалению, полностью лишен библиографического аппарата.

Таким образом, до сих пор, несмотря на насущную для Русской Православной Церкви необходимость анализа процессов, происходящих в церковной жизни Украины, так и не появилось работ, в которых был бы собран воедино, обобщен и проанализирован фактический материал по новейшей истории автокефалистского раскола. Между тем, потребность в подобном исследовании очевидна. Исследование раскольничьего движения на современном этапе крайне необходимо для того, чтобы успешнее противостоять антицерковной деятельности автокефалистских сообществ и попытаться вести с ними конструктивный диалог без ущерба интересам канонического Православия. Этими задачами и было обусловлено написание данной работы.

При написании работы были использованы опубликованные в официальной печати Московской Патриархии документы Русской Православной Церкви, связанные с проблемой раскола: определения и обращения Святейшего Патриарха, Священного Синода, Архиерейских Соборов и ряд других документов. Кроме того, в ходе работы широко привлекались материалы униатской и раскольничьей печати на украинском языке. В частности, использовались издаваемые во Львове официальные газеты курии кардинала Любачивского и информационный бюллетень Украинской греко-католической церкви. Немало информации также удалось почерпнуть из раскольничьих газет, таких, как «Успенська вежа» и «Наша віра», выходящих ныне в качестве официальных органов т.н. «Украинской автокефальной православной церкви». Данные о деятельности другого раскольничьего сообщества, именующего себя «Украинской православной церковью Киевского патриархата», в значительной части были получены из «Информационного бюллетеня УПЦ КП». Тенденциозность данных изданий отчасти удавалось уравновесить за счет не столь пристрастных, хотя и менее достоверных публикаций в светской печати Украины. Статьи, посвященные деятельности раскольников-автокефалистов, в частности, регулярно публикует киевская русскоязычная газета «Независимость».

На основе выше перечисленных источников и литературы (в общей сложности около 180) и была написана данная работа. Разумеется, ее можно рассматривать как попытку дать анализ раскольничьему движению на Украине в первом приближении на основании материалов, имеющихся в распоряжении на сегодняшний день. Быть может, в будущем станут доступными новые документы, которые позволят уточнить или даже пересмотреть отдельные положения работы.

I. Краткий обзор начального этапа в истории автокефалистского раскола на Украине и предпосылки его возрождения на рубеже 1980-1990-х годов

В истории Православной Церкви на Украине в новейшее время имели место несколько попыток создать здесь независимую от Московского Патриархата автокефальную церковь. Основой стремления к «самостийной украинской церкви» всякий раз были сепаратистские настроения определенной части населения Украины, как правило, немногочисленной и связанной происхождением с западно-украинским регионом. Этой цели так и не удалось достичь в 1919 году, в период режима т.н. «Директории» Симона Петлюры. Однако, создание первой по счету так называемой «Украинской Автокефальной Православной Церкви» (УАПЦ) стало возможным в 1920-1921 годах благодаря стремлению большевиков изнутри разложить единую Русскую Православную Церковь. Именно с этой целью органами НКВД были инспирированы обновленческий раскол в России и автокефалистский на Украине. В связи с тем, что никто из архиереев Русской Церкви не поддержал раскольников, последние оказались перед лицом крушения всей автокефальной авантюры. Дабы избежать его, лидеры раскола пошли на открытое и беспрецедентное попрание канонов Православия: лже-митрополит Василий Липкивский и другие лже-епископы УАПЦ 1921 года (как принято называть раскольников первой генерации) были «рукоположены» не епископами, а священниками и мирянами. Отсюда и другое название раскольников-автокефалистов Липкивского «самосвяты». Эта псевдо-церковь, в деятельности которой прослеживались многие протестантско-обновленческие тенденции, просуществовала недолго: не оправдавшая надежд НКВД, она, как неэффективное средство борьбы с Православием, была принуждена к самоликвидации в 1930 году [148, с.87; 181, с.101]. Однако, «самосвяты» успели создать свою «епархию» в Америке. Руководимая лже-епископом Иоанном Теодоровичем, она просуществовала вплоть до окончания II Мировой войны [160, с.15-17; 177, с.20-22].

Следующая, вторая по счету, УАПЦ возникла как результат совместных антиканонических действий епископа Луцкого Поликарпа (Сикорского) и Варшавского митрополита Дионисия (Валединского), который был предстоятелем Польской Православной Церкви, самочинно провозгласившей свою автокефалию. Московский Патриархат не признал ее, но Константинопольский томосом 1924 года «даровал» Польской Церкви автокефалию. Лишь после II Мировой войны, когда митрополит Дионисий принес покаяние, Русская Церковь признала Польскую автокефальной [166, т.2, с.183].

В юрисдикции митрополита Дионисия до 1939 года находились, главным образом, православные бывших губерний Российской империи, отошедших в послереволюционные годы к Польше. После того, как по Пакту Молотова-Риббентропа эти земли вошли в состав СССР, все пять епископов епархий, расположенных на территории Западной Украины и Белоруссии, возвратились в юрисдикцию Москвы. Они подали письменные прошения о воссоединении. В числе вошедших в состав Московского Патриархата был и епископ Луцкий Поликарп (Сикорский), викарный архиерей Волынской епархии, ранее бывший чиновником петлюровской Директории [177, с.9; 181, с.118]. Он был известен своими националистическими взглядами и большой симпатией к Липкивскому и его «самосвятам». Один из архиереев, перешедших из Польской Церкви в Русскую Православную Церковь, епископ Александр (Иноземцев) вскоре вышел за штат, но остальные вошли в состав Экзархата, который возглавил митрополит Николай (Ярушевич). Епископ Поликарп определенно признавал московскую юрисдикцию, о чем свидетельствует его участие вместе с митрополитом Николаем (Ярушевичем) в хиротонии епископа Вениамина (Новицкого) [177, с.11].

После начала II Мировой войны и оккупации Украины гитлеровцами на ее территории была образована автономная Украинская Православная Церковь (УПЦ), канонически пребывавшая в юрисдикции Московского Патриархата. Она была создана в соответствии с правом на самоуправление, предоставленным в 1920 году святителем Тихоном, патриархом Всероссийским, зарубежным епархиям Русской Церкви. Возглавил УПЦ в сане митрополита, с титулом Экзарха владыка Алексей (Громадский) [148, с.212; 177, с.12; 181, с.118]. О своем вхождении в состав УПЦ первоначально в письменной форме уведомил и Поликарп (Сикорский) [177, с.11]. Однако, вскоре Сикорский в тесном контакте с украинскими националистическими организациями решает возродить УАПЦ. Оставшийся почти без паствы после 1939 года и не сумевший вернуть ее себе после немецкой оккупации Украины митрополит Дионисий активно включается в раскольничье предприятие Поликарпа (Сикорского). Митрополит Варшавский не имел никакого права на действия в пределах Украины в силу того, что все еще находился под запрещением от Московского Патриархата. И даже сомнительный томос об автокефалии, полученный от Константинополя, распространял его юрисдикцию только на Варшавскую митрополию, в состав которой в военные годы украинские епархии никоим образом не входили. Тем не менее, митрополит Дионисий назначает епископа Поликарпа «Временным Администратором Православной Автокефальной Церкви на освобожденных землях Украины» и возводит его в сан «архиепископа» [177, с.13]. Епископ Поликарп полностью порывает с автономной Украинской Православной Церковью и становится на путь возрождения на Украине автокефалистского раскола. За раскольническую деятельность Московский Патриархат в 1942 году лишил Поликарпа епископского сана [181, с.119].

8-10 февраля 1942 года в Пинске проходит «Собор автокефальных украинских епископов» в составе Поликарпа (Сикорского) и Александра (Иноземцева), которые «рукополагают» еще трех «архиереев» [177, с.14]. Ни запрещенный в служении и вскоре лишенный сана Поликарп, ни пребывавший за штатом Александр (кстати, уволенный на покой согласно его прошению на имя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия) не имели на это никакого права. «Собор» объявил о принятии «в сущем сане» в лоно новой автокефалии лже-священников (лже-епископов к тому времени на Украине не оставалось) «самосвятской» иерархии 1921 года. При этом «Собор» беспардонно ссылался на 52 апостольское правило, запрещающее повторную хиротонию [177, с.14]. Этот шаг автокефалистов генерации 1942 года свидетельствовал о том, что новое раскольничье сообщество так же пренебрежительно относится к канонам Церкви, как и предшествующее образца 1921 года. О безблагодатности раскольников и незаконности их «епископата» свидетельствовали и их последующие действия. Так, в числе «епископата» УАПЦ 1942 года вскоре после ее возникновения оказался Фотий Тимошук. Этот человек бежал из Советского Союза в Польшу в 1932 году. Здесь он выдавал себя за священника, пострадавшего от большевистских репрессий. Однако, вскоре Тимошук был изобличен как агент НКВД, убивший польского солдата при переходе государственной границы. Не признанный в священном сане митрополитом Дионисием авантюрист попал в заключение, из которого его освободили лишь вступившие в 1939 году в Галицию советские войска. Тем не менее, он был в 1942 году «рукоположен» автокефалистами во «епископа» и позднее совершал лже-хиротонии, приумножая раскольничью лже-иерархию. С его участием состоялось и несколько епископских «хиротоний» [177, с.14].

О том, что автокефалистский раскол 1942 года встал на позиции «самосвятков» по вопросу о введении в церковную жизнь модернистских новшеств, свидетельствует признание со стороны новой УАПЦ «канонов» 1921 года, составленных липкивцами. Они также допускали второбрачие духовенства, женатый епископат и т.д. Следствием этого было «рукоположение» автокефалистами в «епископский сан» в годы II мировой войны четырех женатых священников [177, с.14]. О верности УАПЦ 1942 года «самосвятским» принципам свидетельствует и тот факт, что лже-епископ Сергей Охотенко за критические отзывы о Липкивском и его «церкви» был лишен Поликарпом «сана», а коллегами-«архиереями» зверски избит [177, с.17-18].

4 мая 1942 года последовало признание новой УАПЦ со стороны немецких оккупационных властей, которые в поисках популярности у населения открывали на захваченных землях Украины православные храмы, и в то же время боялись возрастания авторитета Церкви. С помощью раскольников-автокефалистов немцы надеялись реализовать в своей украинской

политике принцип «разделяй и властвуй». Новая «церковь» получила в первый период оккупации (до 1943 г.) широкую поддержку со стороны германских оккупантов. Но еще большее содействие ей оказывали и собраты по идеям украинского национализма бандеровцы, мельниковцы и прочие бандитские формирования. УАПЦ стала идейной вдохновительницей злодеяний украинских сепаратистов, направленных, в первую очередь, против собственного народа. На Волыни при помощи ОУН (Организация Украинских Националистов) автокефалистами был развязан настоящий террор против канонической Украинской Православной Церкви. Оуновцами в мае 1943 года был убит отказавшийся от сотрудничества с националистами митрополит Алексей (Громадский) [177, с.15; 181, с.118]. Жертвами террора стали многие священнослужители и миряне, не пожелавшие перейти в УАПЦ. Бандеровцами был повешен епископ Владимир-Волынский Мануил (Тарнавский), перешедший после принесения покаяния из раскола в каноническую Церковь [177, с.15; 181, с.118], зверски замучены десятки православных священников, отказавшихся от сотрудничества с раскольниками-поликарповцами. Альянс между украинскими националистами и руководством УАПЦ был весьма прочным. Однако в итоге это отразилось на отношении немецких властей к УАПЦ Поликарпа (Сикорского). После того, как к 1943 г. бандеровцы убедились в том, что гитлеровцы не помышляют на деле ни о каком «самостийном» Украинском государстве, сепаратисты стали действовать против немецких оккупационных войск. В таких условиях германские власти Украины вынуждены были отказаться от всемерной поддержки, прежде оказываемой раскольникам-автокефалистам.

Наступление Советской Армии привело к тому, что все «иерархи» УАПЦ бежали к началу 1944 года за пределы Украины. Временно оказавшись в Варшаве, они преподнесли весной 1944 года митрополиту Дионисию титул «Патриарха всея Украины» [177, с.16], что явилось пределом абсурда в канонической сфере. Впрочем, немецкие власти вскоре запретили Дионисию именоваться этим титулом. Ни в годы войны, ни позже ни одна Поместная Церковь не признала самочинной украинской автокефалии Сикорского. Оказавшись за рубежом, автокефалисты образовали замкнутое раскольничье сообщество, ни с кем не имеющее евхаристического общения. Более того, среди самих раскольников не было единства. «Епископы» Геннадий Шиприкевич и Сергей Охотенко отправили в Рим прошение о принятии в лоно католической церкви [177, с.19-20]. А «епископ» Григорий Огийчук вместе с своими приверженцами образовал в 1947 г. т.н. «Ашаффенбургский раскол» сообщество целиком перешедшее на принципы «соборноправности» Липкивского и порвавшее общение с Поликарпом (Сикорским) [177, с.20].

Паству автокефалистов после II Мировой войны составляли исключительно украинские эмигранты, преимущественно националистически настроенные выходцы из западных областей. Однако, в Америке и Канаде еще сохранялась обширная по территории и числу приходов епархия, возникшая во время существования УАПЦ 1921 года. Ее возглавлял лже-епископ из «самосвятской» иерархии Липкивского Иоанн Теодорович, присланный в Америку в 1923 году. Еще в 1935 году он, признавая свою безблагодатность, просил через митрополита Дионисия Варшавского законной хиротонии у Константинопольской Патриархии [160, с.16]. Однако, против этого резко выступила его паства, решительно стоявшая на модернистских позициях «самосвятского» лже-собора 1921 года. Епархию Теодоровича решили прибрать к рукам «архиереи» из УАПЦ Сикорского, верно рассчитавшие, что оказавшийся в полной изоляции и сознающий свою каноническую ущербность Теодорович пойдет навстречу автокефалистам второй генерации и объединится с ними. Для переговоров с последним «самосвятским» лже-епископом в Америку прибыл Мстислав Скрипник, племянник и бывший адъютант Симона Петлюры, впоследствии депутат польского сейма от украинских националистов, ставший в годы II Мировой войны «епископом» в УАПЦ Сикорского [14, с.441; 181, с.118].

В Канаде Скрипник заявил себя горячим приверженцем «канонов» 1921 года и настолько расположил к себе паству Теодоровича, что «Собор» 1947 года избрал его главой канадской епархии вместо усомнившегося в благодатности «самосвятской» УАПЦ Иоанна [160, с.16]. Последний сохранил за собой лишь приходы в США. Принимая в управление канадские приходы липкивцев, Мстислав не перерукополагал их лже-священников (160, с.17-18; 177, с.21-22). Поэтому, даже если оставить в стороне вопрос о незаконности епископского сана самого Скрипника, его американо-канадскую «иерархию» следует признать столь же недействительной, как и «самосвятскую» псевдоиерархию Липкивского и Теодоровича. Терзания самого

Теодоровича по поводу своего сана завершились в 1949 году его повторной «хиротонией». Ее совершили в 1949 Экзарх Антиохийского Патриархата в Америке митрополит Христофор и все тот же Скрипник, с канадской епархией которого на короткое время вновь объединились американские приходы Теодоровича [160, с.16]. Иоанн стал номинальным главой этой эфемерной «митрополии». Едва ли его вторая «хиротония» была более законной, чем первая: два архиерея, ее совершавшие, принадлежали к церквам, не имеющим общения между собой. О незаконности же епископского сана Мстислава вывод можно сделать на основании всего выше сказанного об УАПЦ Сикорского, созданной в 1942 году. Однако, показательно, что сам Иоанн Теодорович при всех своих комплексах по поводу законности своего «епископства» в 1950 году, то есть уже после повторного «рукоположения», писал: «Мы считаем недопустимой концепцию, согласно которой Церковь 1942 должна ликвидировать Церковь 1921 года и сама стать на ее место. Мы требуем должного уважения к нашей Церкви 1921 года... Я остаюсь последним живым и служащим епископом Церкви 1921 года... Она не перестала существовать, и она будет до тех пор существовать, пока не сольется с Церковью 1942 года» [160, с.25-26]. Приблизительно в это же время Теодорович заявлял о своей принадлежности к «церкви», «Первосвятителем которой был честнейший митрополит Киевский и всея Украины Василь Липкивский» [160, с.26].

К 1950 году Скрипник в своей канадской епархии окончательно проворовался: его афера со сбором средств на монашеский скит, которые в итоге пошли на строительство коттеджа для «епископа» и его семьи, окончательно подорвала авторитет Мстислава среди украинцев Канады. Ему пришлось перебраться в США, где он вскоре стал преемником почившего Теодоровича [160, с.22-23; 177, с.22]. Канадские автокефалисты пригласили к себе в качестве своего «первоиерарха» епископа Илариона (Огиенко). Он был рукоположен также в годы II Мировой войны митрополитом Дионисием Варшавским, но не для оккупированной немцами Украины, а для т.н. генерал-губернаторства, то есть части Польши, вошедшей в состав Германского Рейха [177, с.10]. Не участвовавший в противоканонической авантюре Сикорского Иларион мог бы быть признан архиереем вполне законным, если бы не ряд обстоятельств. Известно, что в 1944 году в Варшаве он сослужил вместе с автокефалистами Сикорского [177, с.16-17]. А возглавив Канадскую украинскую «церковь», Иларион подобно своему предшественнику Скрипнику вынужден был признать все те же самосвятские принципы ее устройства на основе «канонов» 1921 года. Никакого перерукоположения безблагодатных клириков-«самосвят» не последовало и на этот раз [160, с.24-25; 177, с.22-23]. Таким образом, можно считать американскую и канадскую украинские «церкви» одинаково пораженными метастазами «самосвятства» и безблагодатными, а их «иерархию» незаконной.

После кончины Сикорского часть его приходов в Европе и Австралии после покаяния и перерукоположения своих клириков перешла в юрисдикцию Московского Патриархата или Русской Зарубежной Церкви. Остальные примкнули к Скрипнику. Несколько приходов в Австралии ушли к Илариону (Огиенко) [177, с.23]. Так складывалась судьба раскольников в эмиграции. На советской Украине дела обстояли иначе.

Успешное наступление Советской Армии и освобождение Украины от гитлеровцев в 1943-1944 годах положило конец автокефалистскому расколу Поликарпа (Сикорского) на канонической территории Русской Православной Церкви. После бегства «иерархов» УАПЦ за границу на территории Украины не осталось ни одного раскольниковского прихода, все они вошли в юрисдикцию Русской Православной Церкви.

Церковная ситуация на Украине в период, последовавший за Великой Отечественной войной, характеризовалась общими для всего Московского Патриархата тенденциями. Краткий период оживления церковной жизни наблюдался в первые послевоенные годы. С приходом к власти Н. С. Хрущева последовал возврат к политике воинствующего атеизма и нажима на Церковь со стороны коммунистической власти. Следствием этого, как и повсюду в СССР, стал заметный кризис приходской жизни. И все же можно полагать, что Украина, особенно Западная, в гораздо меньшей степени пострадала от атеистической политики коммунистического режима. Столь заметного отхода населения от церковной жизни в Галичине в сравнении с другими регионами не наблюдалось, хотя это было скорее следствием оппозиционного настроения населения

по отношению к советской власти и дани традиции, чем выражением глубокого религиозного чувства.

В 1960-80-х годах украинские приходы составляли около двух третей от общего числа приходов Русской Православной Церкви. Большинство из них было сосредоточено на Западе Украины, которую почти не затронули антицерковные репрессии. Это было связано, в первую очередь, с тем, что западно-украинские области вошли в состав СССР только в 1939 году, а вскоре началась Великая Отечественная война. Естественно, что советские преобразования начались в Галичине только в послевоенные годы, когда антирелигиозная пропаганда на время угасла, и кампания по закрытию храмов прекратилась. Поэтому церковная жизнь не подверглась в западно-украинских областях столь сокрушительному разгрому, как в России или на Востоке Украины в довоенные годы. Большую часть бывших униатских храмов в Галичине удалось сохранить действующими.

В немалой степени этому способствовало самоупражнение униатской церкви на Львовском соборе 1946 года [76]. Сегодня стало привычным делом обвинять этот собор в том, что он был инспирирован сталинско-бериевскими органами госбезопасности. Это отчасти справедливо: нажим власти был очевиден. Однако, это вовсе не означает того, что все участники собора действовали по принуждению и были неискренни в своем желании вернуться в Православие. Известно, что еще в годы австрийского, а позднее польского господства в Галиции существовало мощное движение, направленное на возвращение западно-украинских униатов в лоно Православия [46]. Сталину не терпелось ликвидировать униатство, неудобное ему по политическим соображениям. Именно поэтому власти форсировали события. Можно думать, что и без всякого нажима со стороны органов госбезопасности переход галицких униатов в Православие произошел бы непременно, хотя и не в столь быстрые сроки. Тем не менее, искусственно ускоряя самоликвидацию унии, власти вынуждены были полностью отказаться от политики закрытия храмов, дабы не вызвать противодействия своей антиуниатской акции.

Не менее важно, что в течение почти всего послевоенного десятилетия на Западной Украине активно противодействовали советскому режиму вооруженные отряды украинских националистов. Это обстоятельство также вынуждало власти отказаться от активной антирелигиозной кампании, способной в специфических условиях Галичины вызвать серьезные проблемы в отношениях с местным населением. Исключение составляли только римокатолические костелы, закрываемые повсеместно. Польское население было репатриировано из Прикарпатья в Польшу практически полностью, и протестовать против ликвидации приходов латинского обряда было просто некому.

Переход галичан из униатства в Православие в 1946 году прошел вполне спокойно. Активных сторонников возврата к Православию было не слишком много, что вполне объяснимо после периода австро-польских репрессий против русофильского движения и физического истребления в концентрационных лагерях большей части православных и прорусски настроенных галичан. Однако весьма конформистски настроенное большинство населения было вполне удовлетворено тем, что храмы продолжают действовать, хотя и в новой православной юрисдикции. Основная масса клириков и мирян не желала идти на конфликт с властями. Плоды релятивистской католической нравственности и пренебрежения к религиозному сознанию паствы «Церкви учимой» дали о себе знать. Кроме того, для химеры униатства, в основе появления которой лежало Брестское предательство 1596 г., беспринципность и оппортунизм оставались внутренне присущими чертами. Поэтому стойких защитников униатства на Западе Украины оказалось ничтожно мало. Тем не менее, советское правительство Сталина предпочло перестраховаться, и почти весь епископат греко-католической церкви в 1940-х г.г. был выслан в северные лагеря ГУЛАГа. Впоследствии большинство архиереев вместе с первоиерархом митрополитом (позднее кардиналом) Иосифом Слипым вскоре после освобождения предпочло побыстрее перебраться из пределов СССР на Запад [14; 137]. Однако, особого отклика среди бывших униатов репрессии против епископата не вызвали: только уже в постсоветский период национал-демократы усиленно начнут с большой прибылью создавать и эксплуатировать образ униатской «церкви-мученицы». В конце же 1940-х годов лишь незначительное количество греко-католических священников ушло в подполье, создав несколько конспиративных приходов.

Отменяя посты, сокращая церковные службы, понижая нравственную планку и угождая своим чадам во всем, католическая церковь, тем более в своем униатском варианте, воспитала христианское по видимости, но в сущности по-земному удобное исповедание, в котором не нашлось места подвигу во имя веры. Послевоенная судьба галицкого униатства несопоставима с подвигом новомучеников Русской Православной Церкви, явленным в XX столетия.

После II Мировой войны на территории Западной Украины были созданы православные епархии: Львовско-Тернопольская, Ивано-Франковско-Коломыйская и Ужгородско-Мукачевская [107]. Церковная жизнь в них была весьма оживленной. С 1946 года во Львове издавался «Епархіальний вісник» на украинском языке (переименованный позже в «Православний вісник» и перенесенный с 1970 года в Киев) [107]. Хрущевские гонения задели западно-украинские епархии не в такой степени, как другие. Даже после новой волны закрытия храмов на территории СССР в одной только Львовско-Тернопольской епархии, крупнейшей в составе Московского Патриархата, в 1960-80-х годах насчитывалось почти 2 тысячи приходов, то есть свыше четверти всех общин Русской Церкви. Во Львове в начале 1960-х годов был закрыт только один православный храм св. Архистратига Михаила, который в 1944 году был переосвящен из римо-католического костела св. Николая и до Львовского Собора 1946 года временно действовал как кафедральный. Удалось отстоять и знаменитую Почаевскую Свято-Успенскую Лавру оплот Православия на Западе Руси. Она также входила в состав Львовско-Тернопольской епархии. В целом же к 1988 году из существовавших тогда 6 тысяч 893 приходов Русской Церкви на Украину приходилось более 4 тысяч [148, с.409]. Закономерно, что Западная Украина, будучи регионом наименее пострадавшим от антицерковной политики коммунистического режима, стала основным источником кадров для Московского Патриархата. Это также косвенно может свидетельствовать в пользу того, что среди населения Галичины не существовало осознанного антиправославного направления. Имела место скорее определенная индифферентность и отсутствие четкой грани в понимании глубины расхождения между Православием и католичеством. Устойчивая антиправославная тенденция начинает формироваться в Галичине только к концу 1980-х годов, когда она стала следствием использования религиозного фактора националистически настроенными политиками: между «Московской империей» (так украинские националисты зачастую именовали СССР) и Московским Патриархатом ими был намеренно поставлен знак равенства.

Следует отметить, что националистические настроения в Галичине были весьма ощутимыми даже в «застойные годы». Украинский язык здесь продолжал оставаться преобладающим в вузах и учреждениях. По-украински вещали радио и телевидение. Во Львове и большинстве иных городов Западной Украины практически невозможно было встретить даже уличную вывеску на русском языке. Все разговоры об ущемлении национальной «мовы» следует признать полнейшим вымыслом. На Западе Украины по-украински произносились проповеди, и даже церковно-славянское богослужение повсеместно звучало с украинским произношением «киевской вымовой». Духовенство брило бороды, как и в униатскую эпоху. Использовались облачения униатского покроя. Имели место и другие многочисленные «рудименты» униатской обрядности, на что Московский Патриархат смотрел вполне снисходительно. Говорить о каком-либо национальном притеснении как в светской, так и церковной жизни на Западе Украины просто не приходилось.

Национализм галичан, которые вплоть до рубежа XIX-XX веков именовали себя «русинами» или «русским народом», помня о былом единстве Руси, сформировался в значительной степени с подачи австрийско-польской правящей элиты [180, с.203-235]. Уже в конце XIX в. национальная политика Австро-Венгрии включает в себя активную пропаганду и насаждение среди русинов сепартистской идеологии. Это выразилось и в том, что на рубеже XIX-XX в.в. название «русин» вытесняется в Галиции названием «украинец». Империя Габсбургов, в состав которой входили земли Западной Украины, считала, и небезосновательно, что намеренное и утрированное подчеркивание различий между украинцами и великороссами, станет гарантом неприсоединения Галиции к российской части Украины. Кроме того, разжигая украинский сепартизм, империя Габсбургов рассчитывала создать противовес польскому элементу в Галиции. В еще большей степени националистические настроения разжигались Австро-Венгрией среди прикарпатских русинов в годы Первой Мировой войны в видах аннексии всей территории Украины. Тогда же претендентом на трон вассальной по отношению к Австрии предполагаемой

Украинской монархии был объявлен эрцгерцог Вильгельм Габсбург, спешно перешедший из римо-католичества в униатство и переименованный в Василя Вышиванного (фамилию принцу придумали, очевидно, из-за его любви к вышитым украинским сорочкам, которые он носил под австрийским военным мундиром) [60, с. 234-235].

Несмотря на все усилия австрийских властей развить в Галиции украинское сепаратистское движение гораздо более сильным и организованным было в Галиции движение сторонников воссоединения с Россией, которых сепаратисты презрительно именовали «москвофилами». Но его представители были практически полностью истреблены в Таллергофе и других австрийских концлагерях в годы Первой мировой войны [46]. Среди жертв геноцида было немало православных священников. Оставшиеся в живых прорусски настроенные галичане в большинстве своем эвакуировались в Россию после отступления русских войск из временно оккупированной ими Галиции.

По причине физического уничтожения большинства «москвофилов» и в силу того, что западные области нынешней Украины по условиям Версальского мирного договора вошли в состав возрожденного Польского государства, националистическое движение в Галиции разгорелось еще сильнее в 1918-1939 годах. В ходе противостояния с польскими властями в годы диктатуры Юзефа Пилсудского в Галичине оформляется движение ОУН (Организация Украинских Националистов), благословляемое украинской греко-католической церковью [60, с.241-247]. Последняя все более принимает на себя функцию идеологического органа национал-сепаратистского движения. На этой почве возникают определенные противоречия между униатским и римо-католическим духовенством [106, с.174-176, 191].

Приход Советской Армии на земли Западной Украины и ее вхождение по Пакту Молотова-Риббентропа в состав СССР только усилили размах сепаратистского движения. Массовые репрессии против гражданского населения, насильственная коллективизация, сопровождавшаяся «раскулачиванием», и прочие атрибуты советского режима в самый короткий срок сделали свое дело. В июне 1941 года солдат гитлеровского Вермахта в Галичине встречали как освободителей от коммунистического кошмара. Вскоре, однако, выяснилось, что Гитлеру самостоятельная Украина отнюдь не нужна. ОУН, руководимая Степаном Бандерой и другими лидерами украинского сепаратизма, встала на путь противостояния как немецким оккупационным властям, так и наступающей Советской Армии. Ушедшие в подполье бандеровцы в течение почти целого послевоенного десятилетия вели подпольную и партизанскую борьбу с советским режимом на Западе Украины. Население в основном пассивно симпатизировало ОУНовцам, хотя иногда имела место и активная поддержка действий сепаратистов. Это вызвало новую волну репрессий и массовых депортаций гражданского населения за пределы Украины. Понятно, что симпатий к советской власти это не прибавило. Лояльность к коммунистическим властям была на Западе Украины только видимостью. И как только заметной стала слабость советского режима, проявившаяся особенно ощутимо в годы политики так называемой «перестройки», сепаратистско-националистические тенденции вновь в полной мере проявились в Галичине к исходу 1980-х годов.

II. Начало религиозных конфликтов в галичине на рубеже 1980-90-х годов и возобновление автокефалистского раскола на Украине

Возрождение автокефалистского раскола, которое началось на Украине именно в западных областях, было спровоцировано, главным образом, всплеском националистических настроений в этом регионе. С самого начала этот процесс носил откровенно политический характер, являясь перенесением на церковную почву сепаратистских тенденций, присущих галицкой ментальности.

Первыми на Западной Украине эти настроения выразили греко-католики. Уже в 1988-1989 годах они выходят из подполья [58; 80; 137; 148, с.416-417]. Проведенные в Галичине в 1990 году Институтом социологии АН СССР исследования установили, что мотивы симпатий населения к униатству являются исключительно политическими по своему характеру. Положительное отношение к легализации Украинской греко-католической церкви (УГКЦ) 31% опрошенных опрошенных объяснил сочувствием к ней как жертве сталинских репрессий, 20% сослалось на то,

что это явится исполнением на практике декларированной Конституцией СССР свободы совести, 17% желали легализовать УГКЦ как «единственную хранительницу национальных традиций, культуры и языка в условиях русификации», 24% объявили униатство национальным исповеданием украинского народа. И только лишь 10 % опрошенных утверждали, что УГКЦ «наиболее последовательно выражает учение Христа» [89].

В Галичине появляется возглавляемый диссидентом-националистом Иваном Гелем так называемый «Комитет защиты Украинской католической церкви (УКЦ, позже переименована в УГКЦ Украинскую греко-католическую церковь)», который стал устраивать шумные манифестации.

Иван Гель, бывший политзаключенный, получивший срок за националистическую пропаганду, известен тем, что и в мордовских лагерях продолжал действовать в том же духе. Он подвергался там порицанию и бойкотированию со стороны заключенных за насилие над украинскими диссидентами, дружившими с русскими и евреями. В числе пострадавших от Геля был и православный священник-правозащитник Василий Романюк, будущий лже-патриарх раскольников-автокефалистов Владимир [148, с.418]. Выйдя на свободу, Гель продолжал свою экстремистскую деятельность. Его «Комитет защиты Украинской католической церкви» превратился в скором времени в «комитет нападения». Во второй половине 1989 года, представители этой организации переходят к прямой агрессии, начиная насильственные захваты православных храмов. Но первоначально происходило усиленное созидание образа «церкви-мученицы», пострадавшей от коммунистического режима [158]. Последний в проуниатской пропагандистской шумихе все более начинают лицемерно отождествлять с Русским Православием. На волне национализма УГКЦ всячески представляет себя национально-патриотической конфессией, и стремительно набирает размах. Канцлер главы УГКЦ кардинала Мирослава-Ивана Любачивского отец-доктор Иван Дацько заявил, что причиной гонений коммунистов на УГКЦ было то, что она являлась «по-христиански патриотичной» [57]. Ее приверженцами на рубеже 1980-90-х годов становятся наиболее политизированные и националистически настроенные слои западно-украинского населения. Православие все чаще подвергается шельмованию, будучи обвиняемо в пособничестве советскому режиму и органам госбезопасности. Собственно религиозный фактор во всей создавшейся ситуации практически отсутствовал. Выражение симпатий в адрес УГКЦ стало нормой в оппозиционно и националистически настроенных кругах. На фоне этого численный рост УГКЦ становится особенно интенсивным. Из гонимой она весьма скоро становится гонительницей по отношению к политически-проигрывшему в глазах галичан Православию. С осени 1989 года начинаются массовые захваты православных храмов. Первой жертвой униатов 29 октября стал Преображенский собор во Львове. Выбор цели не был случаен: некогда настоятелем храма являлся один из инициаторов Львовского Собора 1946 года протопресвитер Гавриил Костельник, убитый бандеровцами на пороге своего храма [76].

Руководит реанимированной в Галичине УГКЦ в это время архиерей весьма сомнительной каноничности Володимир Стернюк. Но тогда, в период триумфального шествия униатства по западно-украинским областям, это обстоятельство мало кого смущало. Стернюк выдвинул экстремистский лозунг: вернуть УГКЦ все храмы и имущество по состоянию на 1939 год. Это еще более обострило ситуацию с перераспределением церковных зданий между православными и униатами. Конфликты на почве совместного использования храмов стали привычным явлением. В «Комитете защиты УГКЦ» ведущую роль играли члены Украинской Хельсинкской группы организации националистически настроенных диссидентов. Вскоре они составили основу «Руха», а впоследствии Украинской республиканской партии (УРП), одной из наиболее влиятельных «национально-демократических» (то есть право-националистических) партий современной Украины. Политические требования «Комитета защиты УГКЦ» явно преобладали над религиозными. Характерно, что до начала «перестройки» украинское диссидентство отличалось пренебрежением к вопросам веры, никак не защищая украинцев, пострадавших по религиозным мотивам (то есть, в основном, тех же униатов). Теперь же, когда это стало выгодно, уния превращалась в руках бывших диссидентов в знамя галицкого с прицелом на общеукраинский сепаратизма [58].